

Переселение.

На Троицу 1931 года это и случилось. Людям присвоили новые имя – «раскулаченные» и в соответствии с этим антисоветским прозвищем начали действовать.

Надо сказать, что сибирские деревни в то время были богатые, и люди в них бедно не жили. В Сибири, как вы знаете, вообще не было помещичьего землевладения, земли было в достатке, мужики были работающие и самостоятельные. Ещё в середине XIX века приняли они для себя нешуточное решение – идти в Сибирь.

Это только подумать надо, как, износив на телеге по три деревянные оси, затратив на дорогу не один месяц, пришли их деды и родители из неласковой Рассеи, из худосочных и малоземельных губерний и волостей, за Каменный Пояс, за лучшей долей крестьянской, за волей.

«Лучшую долю», вроде бы нашли, но сейчас на дворе уже 31-ый год, и план есть план. Разнарядка тоже нешуточное дело. Раз надо кулаков, стало быть, будут – сомневаться уже не приходится.

А если дома свои, и скотину, и какие-то вещи оставят, это хорошо: другие смирнее впредь будут, да и умнее.

Нет, не зря сибирский народ не любил Рассею, и старался и одеваться по-другому, и думать, и работать...

Везли вначале вниз по Иртышу, потом в верх по Оби, до далёкого и неизвестного Каргаска, на больших морских баржах, вмещающих сотни людей, со своим немудрящим скарбом.

Не кормили, пайку не давали. Велено провиант было дома брать. Дорога заняла до будущего васюганского спецпоселения, 13-ого участка, полтора месяца, и только там получили первый паёк – 16 кг муки на месяц на человека.

Дорога была трудной. После Каргаска пересадили на другую баржу, и другой пароходик под названием «Дедушка» потащил её вверх по извилистому Васюгану.

На берегах уже жили сюда ранее привезённые спецпоселенцы в новый край.

С баржи им кричали: «Вы чьи?».

С берега отвечали: муромские или сидельниковские, кого, откуда привезли, из какого района Омской области.

Многие, особенно дети, тихо умирали. Хоронить на берегу не разрешали. Сопровождавший охранник садился в лодочку и отвозил трупик на берег, и незнакомые люди хоронили ребёнка.

Мать на барже рёвом ревела, заходилась от горя. Более старшие, успокаивали, как могли и ... молчали.

Голодали. Поповых, мамину семью, ссылали уже в третий раз. Ссылали, потом возвращали с дороги. Потом опять... вот и сейчас, они думали, может быть, обойдётся, отвезут, до Новоникалаевска, подержат, как прошлые раза, да вернут. Не обошлось, не вернули...

А собрались в этот раз, скудно. Добирались голодно. Наконец, высадили на берегу Васюгана. На пустом месте. Будущий 13-ый участок.

Люди по-прежнему умирали.

Вначале дети и старики, затем умирали те, кто послабее, потом начали умирать недавно самые крепкие, сильные мужчины.

Почему? Может быть, их организм привык к хорошей, калорийной пищи, может быть, ещё из-за чего, кто его знает.

Организовали бригады, начали строить жилища. Брат мамин, дядя Афоня, попал в такую бригаду, это и выручило её потом.

Первая зимовка прошла очень трудно. Те, кто работал на строительстве жилья, как дядя Афоня, получали паёк побольше. Но было всё одно – очень мало.

В эту зиму мама переболела тифом раз, потом ещё раз – возвратным. Себя в эту зиму не «помнила», но рассказывала, что брат выходил её. Хлебный кусок разжёвывал до кашицы и кормил. Выходил и её и, как оказалось, нам с братьями жизнь дал, а потом детям нашим и внукам...

Пролежала мама всю эту зиму, но выдержала как-то. Многие умерли, говорили, 60% тех, кого высадили летом на пустынном таёжном берегу, схоронили. Так и было, по могилкам видно было.

Так начиналась новая жизнь на новом месте. Впереди была ещё война, постоянное переселение, с места на место, зачем-то. И трое ребят мал-мала меньше: старший, с 38 года рождения, затем с 40-го и 42. Родились они все на «новой» Родине.

Меня тогда ещё не было, я родился после войны, в 48-ом.

Была тяжёлая работа, не было бабушки с дедушкой доглядывать за ребятнёй, им было назначено другое место для житья-бытья, ну а с комендатурой, ясно дело, не поспоришь. Не было тогда «детских» или ещё каких пособий, как сейчас. И от работы, конечно, ни кто не освобождал.

Дядя Афанасий с начала войны, как все васюганцы, пошёл на фронт и уже не вернулся. Осталась память простая, как у тысяч таких же, как и он:

*«Попов Афанасий Семёнович, рядовой, Каргасокский РВК.
Погиб в бою **04. 02. 43**, Сталинская обл.».*

(Книга Памяти. Томская область. т. 3, стр. 312).